
Катрина
Яснева
ИЗМЕННИК
Я сильнее

Катрина Яснева

Изменник. Я сильнее

«Автор»
2026

Яснева К.

Изменник. Я сильнее / К. Яснева — «Автор», 2026

За месяц до свадьбы я узнала, что будущий муж Вадим изменяет мне с моей подругой.Я собрала вещи, чтобы уйти с маленькой дочкой из дома — не выходить же замуж за изменника.- Ты никуда не пойдешь, - сказал Вадим. - Я тебя не выпущу.- Да как ты можешь меня не выпустить?- Показать?Нет, удара я не увидела - только мир вдруг взорвался болью.Меня никто никогда в жизни не бил. Ни разу. Я не знала, что это так - что это не только больно, но и невозможно стыдно.Он стоял и спокойно смотрел. Он вообще всегда был таким спокойным и уравновешенным - тихоня Вадик. Сказал, что я сама виновата. "Возвращайся в комнату, и забудем, что произошло".Дочка стояла посреди коридора с мишкой и котиком, прижатыми к груди, и плакала навзрыд. Я дернулась к ней, но Вадим угрожающе поднял руку.- Ты же не хочешь, чтобы с твоей дочерью что-то случилось? - спросил он и сделал шаг к Насте.

© Яснева К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 21
Глава 6 25
Глава 7 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Катрина Яснева
Изменник. Я сильнее

Глава 1

Алена

За месяц до свадьбы я узнала, что Вадим изменяет мне с моей подругой.

Нет никакой ошибки или наговора — я все видела сама. Своими глазами.

Мы с Настей шли из садика. Дочка там пообедала, но на дневной сон пока не остается — к садику она еще привыкает. По дороге домой Настя начала проситься на любимую площадку — это у многоэтажки через пару кварталов, двор там не закрытый, пускают всех.

Я не стала отказывать. Даже хорошо: побегает — быстрее уснет дома.

Мы свернули на улицу, по которой обычно не ходим, — тут можно срезать. Пошли к перекрестку. Когда до светофора оставалось метра три, пешеходам загорелся зеленый, но мы шагали по-прежнему неспешно: смысла бежать нет, зеленый не последний.

Тут-то все и произошло.

Я повернула голову — и увидела, как к светофору подъезжает белая тойота с номером пятьсот семьдесят пять. Машина Вадима. Точнее, наша с Вадиком общая, а если совсем точно — вообще-то моя, просто ездит на ней он.

За рулем сидел Вадим. А рядом с ним — Лариса. Моя давняя подруга, с которой мы еще в универе вместе учились. И с которой уже почти два года не общаемся.

Вадим всем представляется моим мужем, меня всегда называет женой, хотя официально мы пока не расписаны. Планировали пожениться через месяц, на следующей неделе собирались заявление в загс подавать.

Мы живем вместе два года, у нас общий быт и общие планы, Вадик давно сделал предложение, я его приняла. Причина, почему мы до сих пор тянули со свадьбой, простая и приземленная: мне было выгоднее иметь статус матери-одиночки, льготы, пособия, место в садике. Вадим Насте не отец, но относится к ней хорошо.

Решено было так: Настя адаптируется к садику, я выхожу на работу, и через месяц — свадьба.

Так мы планировали до сегодняшнего дня.

Когда мы только начали жить вместе и я познакомила Вадима с подругами, Лариса почти сразу начала строить ему глазки — так откровенно, что не заметить было нельзя.

Я пробовала говорить с Вадиком — он отшучивался: да не парься, Лариса меня совершенно не интересует, беспокоиться не о чем. Но, думаю, ему льстило ее внимание.

С Ларисой я тоже пыталась поговорить начистоту — она заявила, что я все придумала и накручиваю себя. После этого мы как-то перестали общаться. Не созванивались, не встречались — прервали общение, и все.

А теперь Вадик ее куда-то везет. В обед. На моей машине.

Это как понимать?

Машина тем временем остановилась на светофоре, а мы с Настей подошли к зебре. Зеленый замигал — но я смотрела не на светофор. Я смотрела сквозь стекло на водителя и пассажирку. Они в нашу сторону не смотрели вообще.

Вадим вдруг потянулся к Ларисе, а она к нему — и они поцеловались. В губы. Быстро, привычно, как целуются люди, которые делают это не в первый раз.

Пешеходам зажегся красный, машинам — зеленый, сзади посигналили. Вадим оторвался от Ларисы, она засмеялась, он газанул — и белая тойота умчалась в светлую даль.

Нас с дочкой они не увидели в упор.

Я стояла у перехода как вкопанная. Вадик мне изменяет. С Ларисой. Которая все-таки добилась своего.

— Мам, мам! — Настя тянула меня за руку, а я в ступоре не могла понять, куда мы идем и зачем.

***

На площадку я ее все-таки отвела — раз обещала. Настя носилась, съезжала с горки, познакомилась с какой-то девочкой в панамке, а я сидела на лавочке и смотрела в пустоту.

Потом мы вернулись домой, Настя уснула почти мгновенно — набегалась. А я пошла на кухне, упала на стул и схватилась за голову.

Что делать?

Ответ, вообще-то, был: уходить. Прощать измену я не собираюсь. А как с ним жить, зная обо всем? Врать самой себе, проверять его телефон, принюхиваться?

Нет.

Свадьбы не будет. Пусть женится на своей Ларисе.

Не выходить же замуж за того, кто начал изменять еще до свадьбы!

Чувства к Вадиму у меня всегда были… спокойными, что ли. Выросшими из благодарности за помощь в трудный момент. Между нами никогда не было пламенной страсти — скорее ровные, почти дружеские отношения.

Пламенная страсть у меня в жизни уже случалась с другим мужчиной — так Настя и появилась на свет. Но Глеб меня бросил, и в любовь до гроба я больше не верю. И давно решила, что в ровных отношениях с уравновешенным мужчиной, который толком и о любви-то говорить не умеет, мне, наверное, даже лучше.

Только вот выяснилось, что Вадик — такой же козел, как и Глеб.

Глеб, когда я рассказала ему о ребенке, даже слышать ничего не захотел. Сейчас, спустя годы, я думаю, что он изменял мне еще тогда, когда мы были вместе. Совсем как Вадик.

Удобно они все устраиваются, не правда ли?

Все мужики козлы.

Я тряхнула головой и пошла собирать вещи. Пока у Насти дневной сон — успею, не так уж много у нас добра.

Вечером Вадим придет с работы, я сообщу, что мы уходим. Можно было бы уйти прямо сейчас, но надо дождаться его и забрать ключи от машины — в конце концов, это моя машина.

Куда мы пойдем? Скорее всего, к моему брату Лешке, больше некуда.

Я складывала вещи, а сама невольно перебирала в голове свою жизнь.

Как же так вышло, что я во второй раз связалась не с тем мужчиной? Им вообще, что ли, верить нельзя? Порядочных в принципе не существует?

***

Я родилась и выросла в Михайлове, небольшом городе в Рязанской области. Родители и сейчас живут там, в нашем доме, и с ними — старенькая бабушка, мамина мама.

Брат Лешка старше меня на пять лет, он первым уехал в Москву учиться. Потом и я окончила школу, хорошо сдала ЕГЭ и поступила в московский вуз на направление «компьютерный дизайн». Жила в общаге.

После вуза устроилась дизайнером в «Формат» — это огромная типография с целой сетью отделений по России. Платили хорошо, я сняла квартирку в Лобне — крошечную студию, но меня устраивало.

Квартиру, кстати, посоветовала Лариса, мы тогда еще дружили: она сама всю жизнь жила в Лобне, а студию сдавала подруга ее матери и искала приличных квартирантов.

В «Формате» у меня и случился страстный роман с Глебом Полянским, нашим генеральным директором. Мне по наивности казалось, что это настоящая любовь и что это навсегда, — это вообще были мои первые серьезные отношения. А потом все очень быстро закончилось, я забеременела, а он, как услышал, рассмеялся и помахал мне ручкой.

— Мне это неинтересно, — сказал он. — Решай сама свою проблему.

Ненавижу. Ненавижу его до сих пор!

Из «Формата» я сразу уволилась и нашла работу в маленькой типографии «Колибри» — сотрудников мало, зарплата куда скромнее, зато коллектив дружный, а директор, Светлана Васильевна, — на редкость адекватный руководитель, не то, что некоторые.

На алименты я не подавала. Не хотела судиться, доказывать отцовство… да пошел он к черту, этот козел!

Мне было так плохо и больно, я просто хотела забыть о нем навсегда. Хотела вычеркнуть Глеба из своей жизни полностью. Как будто его никогда и не существовало.

Я знала, что справлюсь и без него.

Я не какая-нибудь размазня.

Так потихоньку я доработала до декрета, родила. Жила все в той же студии в Лобне, крутилась одна: родители далеко, брат вечно на вахтах на севере. Подрабатывала удаленно — пока дочка спит, часто по ночам: рисовала рекламные плакаты, буклеты, что-то подгоняли из «Колибри», что-то находила сама. Жить на что-то надо.

Возвращаться в Михайлов я не хотела — там нет работы по специальности. Теоретически можно было бы жить у родителей и работать на Москву удаленно, но для этого нужен стабильный интернет, а с этим беда.

Когда Насте было восемь месяцев, я познакомилась с Вадимом. Он оказался моим соседом — один подъезд, его двушка этажом выше. Однажды ехали вместе в лифте, он помог с коляской, разговорились. Вадим стал ухаживать — без напора, как-то очень спокойно, даже, можно сказать, интеллигентно. Через полгода я переехала к нему.

Я сомневалась, на самом деле. Я отдавала себе отчет в том, что с Вадиком у нас нет страсти, нет ощущения «до последнего вздоха». Но я этого всего больше и не хотела. Наигралась, спасибо господину Полянскому.

Урок я выучила на всю жизнь — и теперь слишком хорошо знала, чего стоят мужские клятвы. И как быстро исчезают чувства — будто их и не было никогда.

Вадик убедил меня, что мы идеально подходим друг другу, пообещал заботиться о Насте как о своей. К тому же он симпатичный: блондин, спортивная фигура, рост выше среднего. Ничего удивительного, что Лариса вешалась ему на шею.

С ним и правда стало полегче. Работы не меньше, но вечерами Вадим мог поиграть с Настей, погулять, присмотреть — а я добивала срочные заказы. Уже не приходилось сидеть по ночам.

Предложение он сделал давно — правда, уточнил: лучше не спешить, а пожениться, когда Настя пойдет в садик.

— С садиками ситуация сама знаешь какая, — сказал он. — Но мать-одиночка место выбьет быстрее, ей не имеют права отказать. А поженимся — не факт, можно ждать неизвестно сколько.

Так и решили: сначала садик, потом свадьба. Дождались Настиных трех лет, садик нам дали, недалеко от дома. Настя начала в него ходить — сперва на пару часов, теперь до обеда. Адаптируется.

А я еще два месяца назад пообщалась со Светланой Васильевной, директором «Колибри», — меня там ждут.

Все так хорошо складывалось. Все наладилось!

Но, оказывается, права поговорка: все мужики козлы. Что Вадик, что Глеб.

И надо начинать с нуля.

***

Вадим приехал в полседьмого, как обычно. Я видела из окна, как он паркует машину во дворе.

Я готовилась к нашему разговору.

К его приезду Настя давно проснулась, мы поужинали. Вадиму тоже осталось — вареная картошка, курица, салат — я по привычке приготовила на троих. Сначала приготовила, потом со злости хотела даже выкинуть лишнее, но махнула рукой — это как-то совсем уж мелочно и по-детски.

В спальне стояли собранные вещи: большой чемодан с одеждой и обувью, еще одна большая сумка с вещами, детскими книгами и игрушками, и рюкзак, а в нем — ноутбук, документы и чуток одежды, которая больше никуда не поместилась.

По-хорошему, надо было бы забрать еще электрический чайник, набор кастрюль, микроволновку, комод — все это покупалось на мои деньги. Но приходится оставить, нереально сейчас увезти. Надеюсь, потом отдаст.

— Привет, — сказал Вадим, входя. — Вкусно пахнет.

— Ужин на плите, — мрачно ответила я.

Прибежала Настя, крикнула весело:

— Пливет, Вадик!

Папой она его не называет, а он не настаивает.

Настя убежала досматривать мультики, Вадим пошел на кухню греть ужин, а я тем временем перетащила чемодан и сумки в коридор. Сунула в рюкзак телефон и ключи от машины, которые Вадик, как вошел, оставил на тумбочке.

— Нам надо поговорить, — сказала я, входя на кухню.

Вадик сидел за столом, ел.

— Зачетная курица, — сказал он. — О чем поговорить?

— Я видела вас сегодня с Ларисой. Вы целовались.

Он как будто удивился.

— Что за бред? Ты обозналась, Ален. С кем-то меня перепутала.

— Вы в машине целовались, на светофоре. Белая тойота с номером пятьсот семьдесят пять. Машину я тоже перепутала?

Вадик замер с вилкой в руке. Посмотрел на меня внимательно — не виновато, не растерянно. Оценивающе. Я только потом поняла, что это был за взгляд: он прикидывал, сколько я видела и как будет проще соскочить.

— Слушай, это не то, о чем ты думаешь.

— Неужели?

— Да. Это был просто дружеский поцелуй, и все. Вообще ничего не значит. Ты же в курсе, она давно мне на шею вешается, ну, я и решил ее осчастливить. Ален, да мне Лариса даром не нужна.

— Вадик, ты меня совсем за дуру держишь? Как она в твоей машине вообще оказалась — случайно запрыгнула?

— Вот именно, мы случайно встретились. Я ехал на обед в кафе, она стояла на остановке, попросила подбросить в поликлинику.

— Да? А я думаю, вы договорились о встрече.

Я вдруг сообразила: все это время они могли видеться в обед хоть каждый день. Лариса по-прежнему живет в Лобне, в нескольких кварталах от нас, и работает здесь же. Она всю

жизнь тут прожила — сначала с родителями, потом они поднапряглись и купили ей отдельную квартиру.

А Вадик работает в пяти минутах езды от дома. Мог бы пешком ходить, но он всегда говорил, что машина — это статус. Когда мы ее покупали, он сам выбирал марку и модель — чтобы «не выглядеть нищебродом».

Вадик — директор местного отделения крупной московской компании. Звучит солидно, но зарплаты в Подмосковье не столичные, так что директор — это только звучит. Поэтому, когда мы съехались, даже речи не шло, чтобы я бросила подрабатывать: без моих заказов нам было бы куда труднее.

— Как часто вы встречаетесь — каждый день? Несколько раз в неделю? — спросила я. — Давно ты с ней спишь? Вы встретились в обед и поехали к ней домой, правильно? Вы всегда встречаетесь в обед, чтобы тебе вечером не задерживаться, чтобы я не начала задавать вопросы?

— Алена, ты фантазерка, — ответил Вадик. — У тебя просто буйная фантазия, можно сценарии для кино писать. С Ларисой я сегодня впервые встретился за долгое время. Я ее не видел год или больше.

— И так соскучился, что сразу поцеловал?

— Да забудь ты про дурацкий поцелуй, это такая мелочь, разговоров не стоит!

— Знаешь, даже обидно, что ты считаешь меня такой дурой.

Я встала и вышла из кухни.

В коридор как раз выбежала Настя.

— Мам, хотю есё мультик!

— Нет, солнышко, мы с тобой сейчас поедем в гости. Хочешь?

— Тозе хотю!

— Тогда беги в комнату, возьми своего мишку и скорее возвращайся.

Настя убежала, а я выдвинула ручку чемодана и поставила сумку сверху.

Вадим вышел в коридор, вытирая руки кухонным полотенцем. Посмотрел на чемодан, на меня.

— Ты куда это собралась?

— А ты разве не понял? Мы уходим с Настей.

— Плохая шутка, Ален.

— Я не шучу.

— Ты никуда не пойдешь.

— А ты что, мне запрещаешь?

— Да, запрещаю.

— Знаешь, если бы мы были женаты, ты и то не имел бы права что-то там мне запрещать. Но ты мне даже не муж.

— Я сделал тебе предложение. У нас скоро свадьба. Какого черта, Ален? Я тебе ПРЕДЛОЖЕНИЕ сделал, готов своей женой назвать! Это для тебя пустой звук, что ли?

— А какого черта ты мне изменяешь с Лариской?!

Вадим шагнул к входной двери и загородил ее спиной.

— Значит, семью решила развалить? Ты никуда не пойдешь. Я тебя не выпущу.

— Отойди по-хорошему.

Настя вышла в коридор с плюшевым мишкой в обнимку. Я села на банкетку, посадила ее к себе на колени и стала застегивать сандалики.

— Вы обе никуда не пойдете, — повторил Вадим.

— Нет, мы хочим в гости! — радостно возразила Настя.

Спрыгнула с моих коленей и добавила:

— Я хотю взять есё котика!

И снова убежала в комнату — в обуви, но сейчас было все равно.

— Вадик, отойди от двери, — твердо сказала я.

Закинула рюкзак за спину, обулась в босоножки.

— Ален, я же сказал: не выпущу.

— Да как ты можешь меня не выпустить?

— Показать?

Как раз удара я и не увидела — только мир вдруг взорвался болью.

Белая вспышка, резь где-то внутри головы, ощущение, что скулу обожгло кипятком. Меня отбросило назад, я влетела плечом в стену, ударилась так, что заныла рука до локтя, и сползла бы на пол, если бы не уперлась ладонью в тумбочку.

В ушах звенело. Во рту появился металлический привкус — я, кажется, прикусила щеку изнутри. Скула пульсировала, горячая, чужая. Я подняла руку к лицу — машинально, глупо — и посмотрела на Вадима снизу вверх.

Он стоял и смотрел на меня спокойно. Вот что было страшнее всего — его спокойствие. Он не был в ярости или в состоянии аффекта, он не терял контроль. Просто показал мне, что крепкий мужчина намного сильнее женщины, что если он так решит, то действительно не выпустит меня из дома.

Меня никто никогда в жизни не бил. Ни разу. Я не знала, что это так — что это не только больно, но и невозможно стыдно, и что первая мысль будет идиотская: лишь бы Настя не видела.

— Ты сама виновата, не надо было нарываться, — сказал Вадим. — Возвращайся в комнату, и забудем, что произошло. Будем жить так же хорошо, как жили раньше.

Я оттолкнулась от стены и шагнула к нему — сама не знаю зачем, наверное, к двери. Он отшвырнул меня назад, и я едва не упала, зацепившись за чемодан.

— Хватит нарываться, я сказал! Доведешь, и я тебя так отделаю, будешь потом всю жизнь на аптеку работать!

— Мама! — Настя стояла посреди коридора с мишкой и котиком, прижатыми к груди, и плакала — громко, взахлеб, как плачут дети, когда рушится их мир.

Я дернулась к ней, но Вадим угрожающе поднял руку, и я застыла.

— Все, Ален, хватит, на этом остановимся, — сказал он почти миролюбиво, и от этого тона по спине прошел холодок. — Сейчас вы обе разуваетесь, мы идем в комнату и вместе смотрим какое-нибудь детское кино, радуемся и веселимся. Можем пиццу заказать. И ты навсегда выкидываешь из головы Ларису и забываешь все свои дурацкие идеи, как уйти.

Пауза, а потом:

— Ты же не хочешь, чтобы с твоей дочерью что-то случилось?

И Вадик сделал шаг к Насте.

А Настя попятилась от него, всхлипывая.

Глава 2

Алена

Я была ни жива ни мертва.

Тихоня Вадик слетел с катушек. Спокойный? Уравновешенный? Два года я жила с этим человеком, спала с ним в одной кровати, готовила ему ужины — и не знала его совсем.

Дальше я не думала. Материнский инстинкт, или как это называется, — но когда Вадим, направляясь к Насте, повернулся ко мне спиной, я схватила с тумбочки тяжелую керамическую вазу — сама же когда-то купила ее для красоты — и шарахнула Вадика по затылку.

Ваза разбилась. Осколки посыпались на пол. Я даже вскрикнула от ужаса.

Он пошатнулся, рухнул на колени и схватился за голову. Сознание не потерял — и слава богу, иначе я бы, наверное, перепугалась еще сильнее: вдруг убила. Вадик стоял на коленях, держался за голову, покачивался и стонал.

Настя пробралась мимо него и с рыданием бросилась ко мне.

А я наконец вышла из ступора, подхватила ребенка на руки — я так-то не Геракл, во мне пятьдесят пять килограммов, но сейчас я не почувствовала Настиного веса вообще.

Рюкзак за спиной. Чемодан и сумка — пусть остаются, черт с ними, не до того. Я перешагнула через осколки, рванула на себя дверь и выскочила на площадку.

Не стала ждать лифт — бегом по лестнице, с ребенком на руках, два этажа, три, пять, придерживая Настину голову ладонью, как будто ей месяц.

Во дворе стояла наша белая тойота. Моя белая тойота.

Я усадила Настю в детское кресло сзади, застегнула ремни — пальцы прыгали, замок не защелкивается с первого раза, я шептала «сейчас, солнышко, сейчас» — села за руль, заблокировала двери и завела мотор.

В зеркале заднего вида мелькнул вход в подъезд — дверь как раз распахнулась.

Я не стала смотреть, кто вышел. Может, Вадик, а может, и нет.

Я дала по газам и выехала со двора.

Руки тряслись, скула горела. Настя сзади всхлипывала, прижимая к себе мишку и котика.

— Мы едем в гости, Настюш, — сказала я, и голос почти не дрогнул. — К дяде Леше едем. Все хорошо.

Да ничего не хорошо! Но дочке об этом лучше не знать.

***

Я боялась, что Вадим бросится за нами, — но, похоже, я все-таки прилично приложила его по затылку, и играть в догонялки он сейчас не мог.

Мы выехали со двора, и минут десять я просто колесила по улицам, не особо разбирая дороги. Потом нашла, где припарковаться, заглушила мотор и осталась сидеть, вцепившись в руль.

Меня трясло.

До меня только сейчас дошло: я ведь первый раз в жизни села за руль одна. Без инструктора, без Вадика. Права я получила всего два месяца назад, одна не ездила еще ни разу, да и с Вадимом — не так уж много. Но в стрессе я даже испугаться толком не успела: у меня была одна цель — уехать. Спасти ребенка.

Ну вот, уехали. Можно не бояться, что Вадик сейчас выскочит из-за угла. Даже если захочет — так быстро нас не найдет.

Но что дальше?

Почти все наши вещи остались у Вадика в квартире — скорее всего, навсегда. Возвращаться за ними к этому психу я не рискну. И микроволновку с комодом, считай, психу подарила. Ладно, жизнь дороже.

Зимние вещи к зиме придется покупать заново — дополнительные расходы. Да и вообще почти всю одежду покупать: в рюкзаке минимум — Настины шорты, трусики и маечки, пара моих футболок, джинсы, летнее платье, комплект белья.

Хорошо хоть ноутбук со мной — иначе как работать? И документы все тут: мои и Настины, паспорт, права. Документы на машину — в бардачке: страховка, ПТС, СТС. Вадик всегда хранил их в машине. И везде указано мое имя — он ездил по доверенности. Хоть в чем-то повезло.

Еще в рюкзаке немного наличных, остальное на карте. Но денег в целом мало, и я пока вообще не понимаю, как мы будем жить.

Единственный родной человек в Москве — брат Лешка. Надо ехать к нему. Правда, он сейчас не в Москве, а на вахте в Нижневартовске. Но к родителям в Рязанскую область я вечером точно не поеду — не рискну тащиться с ребенком по трассе ночью, толком не научившись водить. Значит, поеду к брату.

Лешка в позапрошлом году взял однушку в ипотеку в Южном Бутове. Пока он в Нижневартовске, в квартире живет его невеста Жанна — они вроде скоро собираются пожениться. Близких отношений у нас с Жанной нет, и в глубине души мне всегда казалось, что она меня недолюбливает. Позвони я ей сейчас с просьбой пустить переночевать — она, чего доброго, скажет, что уехала к родителям на неделю. Что-нибудь в этом роде придумает.

Так что я решила не звонить. Просто приеду и позвоню уже в дверь. Ну не выставит же она меня с ребенком за порог, правильно?

Нам всего-то надо переночевать: гостиница при моих деньгах — безумие, расточительство. Одна ночь у Жанны, а завтра начну срочно искать съемную квартиру подешевле, решать, что делать дальше. Выйду на работу в «Колибри», попрошу у Светланы Васильевны небольшой аванс — она добрая, не откажет…

Я вбила адрес в навигатор и поехала.

Дорога через пол-Москвы заняла почти полтора часа, и это были самые длинные полтора часа в моей жизни. Перестроения, кольцо, бесконечные светофоры, наглые таксисты, которые лезли под самый бампер, — я вцепилась в руль так, что побелели пальцы, по спине ручьем тек пот, я, кажется, похудела за эту поездку килограмма на три и поседела заодно. Женский голос навигатора был единственным, что удерживало меня от паники. Настя, к счастью, задремала в кресле.

Каким-то чудом мы доехали, припарковались на улице напротив Лешкиной многоэтажки.

Двор за воротами, но домофон на калитке не подключен — работает только на подъезде. Я набрала номер квартиры: пятьдесят восемь.

— Да? — ответил женский голос.

— Привет, Жанна. Это Алена с Настей.

— Кто-кто? Вы… с ума сошли?

— Открой нам, пожалуйста, у нас экстренная ситуация.

Пауза — и дверь запиликала, мы вошли. Поднялись на лифте на пятнадцатый этаж.

Дверь квартиры была приоткрыта. Жанна, наверное, услышал наши шаги, открыла ее чуть шире и высунула голову в коридор. Дальше порога, судя по всему, нас пускать не планировали.

Жанна — симпатичная блондинка, ухоженная, с правильными чертами лица. Даже сейчас, вечером, дома — с укладкой и при макияже. Не понимаю, когда она успевает это все.

— Что случилось, Алена?

— Нам негде переночевать. Можно у вас? Завтра я постараюсь найти жилье, но этой ночью нам реально даже пойти некуда.

— Да что случилось-то? Что у тебя с лицом?

Я еще в машине видела краем глаза в зеркале: с лицом у меня не очень. Под глазом наливался фингал, глаз уже слегка заплыл.

— Вадим… В общем, мы поссорились, очень серьезно. Он меня ударил.

— Вадик дулак! — сердито добавила Настя.

Сразу видно: ребенок пошел в садик и уже выучил все важные слова.

Жанна Настю проигнорировала.

— Ну-у-у, вообще-то… — протянула она, разглядывая мой глаз, — непохоже, что тебя избили…

— А на что ж похоже? — обалдела я.

— Ну, может, ты выпила лишнего и сама упала.

Я чуть не упала — реально, прямо тут, услышав такое.

— Вообще-то я в принципе никогда не пью. Ты разве не знаешь?

— Не знаю. И осуждать тебя не буду, конечно. Это все не мое дело.

Разговор шел вообще не о том. Жанна как будто нарочно уводила его в сторону.

— Ты ночевать нас пустишь? — рассердилась я.

— Нет, — спокойно ответила Жанна.

— Нет?!

— Алена, ну сама подумай. Квартира маленькая, однокомнатная. Вот вернется Леша — и как мы тут все разместимся?

— Леша вернется через месяц! Нам надо переночевать сегодня. Ну, хорошо бы, конечно, недельку пожить — за это время я сниму квартиру, и мы уедем…

— Вам даже спать негде. Тут один диван.

— Мы купим надувные кровати, а сегодня поспим на полу. Жанна, нам правда некуда идти.

Жанна вздохнула — так, как вздыхают, когда собираются сказать что-то умное.

— Знаешь, я недавно была на психологическом тренинге, — сказала она. — И оказывается, очень важно уметь вовремя говорить «нет». Иначе люди принимают доброту за слабость, садятся на шею — и потом не сбросишь. Вот видишь: ты сначала сказала «на одну ночь», а уже уточняешь, что «на неделю». Если я вас сегодня пущу, сама ты не уйдешь — ни через неделю, ни через месяц. Потом вернется Леша, ты поплачешься о своей несчастной жизни, он тебя пожалеет — и вы останетесь тут навсегда. А меня это не устраивает. Мы с Лешей скоро поженимся, и я не собираюсь жить как в коммуналке. Даже хуже, чем в коммуналке! Нет, Алена. Переночуйте в гостинице. Разве у тебя денег совсем нет?

И Жанна захлопнула дверь прямо перед моим носом.

Глава 3

Алена

Я стояла и смотрела на дверной глазок. За дверью щелкнул замок. Потом второй.

— Мне не нлавится тетя Занна, — сказала Настя.

— Мне тоже, — мрачно согласилась я.

Я просто была в шоке. У меня на руках трехлетний ребенок, у меня разбито лицо, я прямо сказала: нам некуда идти. И вот — психологический тренинг, «важно уметь говорить нет». Здорово люди устроились: хамство теперь называется личными границами.

Мы вернулись в машину. Я отъехала подальше от ярких фонарей, нашла тихую улицу и заглушила мотор.

Ночевать будем здесь.

Я уложила Настю на заднем сиденье — лежа она помещалась. Укрыла ее своим платьем из рюкзака. Сама устроилась рядом полусидя, привалившись к дверце. Неудобно адски: спину ломило, ноги некуда деть, голова упиралась в стекло. Но идти было реально некуда. Гостиница — дорого, каждая тысяча теперь на счету. Может, где-то в Подмосковье и существуют дешевые мотели, но сил ехать куда-то еще два-три часа у меня уже нет. Совсем.

Хорошо, что лето. Хотя бы не замерзнем насмерть за ночь.

Настя засопела почти сразу. А я сидела в темноте, слушала ее дыхание и думала: еще утром у меня были дом, жених, который почти муж, и свадьба через месяц. А сейчас я ночую с ребенком в машине в Южном Бутове.

Как быстро, оказывается, рушится жизнь.

***

Уснула я только под утро — и поэтому, наверное, мы проспали до девяти.

Чувствовала я себя разбитой вдребезги. Посмотрела в зеркало заднего вида — глаз заплыл еще сильнее, синяк налился в полную силу. Красавица. Болело плечо, которым вчера впечаталась в стену, болела шея, спина — все болело. Спать полусидя на заднем сиденье не посоветую никому.

Зато Настя проснулась вполне бодрая, и это было хорошо. В садик я ее сегодня везти не собиралась — страшно. Вадик уже угрожал ребенку, а садик — первое место, где он станет нас искать.

Мы поехали завтракать — куда угодно, лишь бы недорого. По дороге остановились у магазина, я купила зубные щетки и пасту. Через пару улиц нашлось кафе, я припарковалась.

В туалете кафе мы умылись и почистили зубы. Я мысленно молилась, чтобы никто не вошел, — стыдно-то как. Взрослая женщина с ребенком чистит зубы в общественном туалете, как бездомная. А впрочем — кто мы сейчас, если не бездомные?

Перед тем, как вернуться в зал, я еще раз внимательно посмотрела на себя в зеркало. Оттуда на меня взирала уставшая незнакомка. Мне раньше часто делали комплименты, что я красивая, особенно мои длинные рыжие волосы обычно всех впечатляют.

Сейчас ту красавицу было не узнать — заплывший глаз и синяк, как выяснилось, кардинально меняют внешность.

Потом мы завтракали, Настя болтала ногами и ела сырники, а я параллельно считала деньги. Пересчитала наличные в кошельке, залезла в банковское приложение. Итог был невеселый: хватит в лучшем случае на месяц аренды недорогой квартиры — и на жизнь после этого не останется почти ничего. Есть подработка, но заказов в последнее время все меньше.

Нужна постоянная работа — и, к счастью, вариант есть: в любимом «Колибри» меня давно ждут.

Зарплаты точно хватит на съем маленькой однушки в Подмосковье — только теперь подальше от Лобни и от Вадика. Придется совмещать основную работу с подработкой, по ночам, как раньше. Тяжело, но хотя бы первое время — потому что заново покупать надо все: одежду, обувь, зимние вещи…

Настю придется отвезти к родителям и пока оставить там. Сердце сжималось от одной мысли, но по-другому никак. Параллельно буду устраивать ее в новый садик — снова выбивать место, причем в районе, где мы даже на очереди не стояли. Дадут ли? Надо добиться. В крайнем случае — прокуратура, статус матери-одиночки, не имеют права отказать…

Как только добьюсь садика, заберу Настю к себе.

После завтрака я позвонила Светлане Васильевне в «Колибри». Сказала: обстоятельства сложные, очень нужны деньги, готова выйти хоть завтра.

— Приходи, Аленка, поговорим, — сказала Светлана Васильевна. И добавила после крошечной паузы: — У нас тут, правда, кое-что изменилось. Была… важная сделка, теперь реорганизация… В общем, придешь, все расскажу. Завтра с утра сможешь?

Ничего себе, кое-что изменилось! Какая еще сделка, какая реогранизация, зачем? Надеюсь, Светлана Васильевна не продала кому-нибудь свой бизнес? Я бы, конечно, предпочла работать с ней — она настолько адекватный директор, что лучшего и желать нельзя…

Я невольно поежилась. Беда не приходит одна, так ведь обычно говорится? И это «кое-что изменилось» мне заранее не нравилось, сильно не нравилось.

Но я не стала выспрашивать подробности по телефону. Завтра Светлана Васильевна все расскажет. Слава богу, что она, по крайней мере, не передумала меня на работу брать.

Потом я собралась с духом — потому что ехать предстояло по трассе, а мне по-прежнему было страшно, — настроила навигатор и поехала в Михайлов.

***

Дорога заняла почти четыре часа с остановками — Насте то попить, то в туалет, то «мам, а долго есё?». Первый час я сидела за рулем деревянная, а потом неожиданно втянулась. Трасса оказалась проще города, едешь себе и едешь, никто под бампер не лезет.

И вот — Михайлов. Тут, в отличие от «Колибри», не изменилось ничего. Тут ничего не меняется годами: те же улицы, те же палисадники, тот же мост, тот же собор. Но вообще-то я этому рада. Я люблю свой родной город — зеленый, уютный, островок спокойствия и стабильности в этом сумасшедшем мире.

Дома были охи-ахи, разумеется.

Мама, увидев мой глаз, всплеснула руками и чуть не заплакала, потом собралась и убежала в аптеку — спрашивать «какую-нибудь мазь от синяков, самую лучшую». Папа побагровел и заявил, что лично пойдет в полицию, а если «они там не пошевелятся» — найдет этого урода сам и ноги оторвет. Бабушка гладила Настю по голове и говорила, что Бог все видит и подлец еще получит свое.

Родители дали мне немного денег. Много у них у самих нет, я знаю — все, что было, они отдали нам с братом еще пару лет назад. Но я чуть не расплакалась из-за небольшой суммы, настолько это было вовремя.

Про Жанну я рассказывать не стала. Как она нас выгнала на ночь глядя с ребенком — не стала. Сама пока не понимала, что с этим делать. Надо будет рассказать брату, должен же он знать, на какой стерве женится… Да, я расскажу. Но не по телефону же! Про такое надо говорить с глазу на глаз.

Да и Лешка все равно не сможет сорваться и примчаться в Москву, чтобы выяснить отношения со своей невестой. Будет только нервничать там, в Нижневартовске, весь изведется… Нельзя так. Значит, наш разговор придется отложить до его возвращения.

Родители напомнили: надо написать на Вадима заявление. Я пообещала, что займусь. Про себя решила: сначала проконсультируюсь с кем-нибудь, что ему реально грозит. Если отделается легким испугом — какой смысл связываться? Только дразнить психа. Лучше просто держаться от него подальше.

Надо же. В тихом омуте черти водятся. Права народная мудрость, ох, права!

Там же, у родителей, я занялась поисками квартиры: погуглила, отобрала несколько вариантов по разным районам Подмосковья — самые дешевые из тех, что на фото выглядели прилично. Созвонилась. Одна встреча сложилась прямо на сегодняшний вечер — Подольск, в шесть.

Настю я оставила у родителей. Господи, как же тяжело было ее оставлять!

Она держала меня за шею и всхлипывала.

— Мам, а ты завтла плиедесь?

— Скоро, солнышко, очень скоро приеду, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Другого выхода у меня все равно не было.

Пока не стемнело, я села за руль и направилась в сторону Москвы. И даже уже не так страшно было, освоилась.

Жизнь вообще быстро учит, когда деваться некуда.

К шести я была в Подольске, нашла нужный адрес. Подошли риелтор и хозяйка. Я посмотрела квартиру.

Ну, что сказать. На фото, конечно, было лучше. В реальности — все обшарпанное, ремонта не было лет двадцать, диван такой, что на него страшно садиться, не то что спать. Дом — многоэтажка, но старая, лет сорок-пятьдесят, не меньше. И за такие условия, по-хорошему, дороговато.

Но выбирать не приходится. Завтра с утра у меня важный разговор со Светланой Васильевной, а потом, надеюсь, выход на работу. Жить где-то надо.

Ударили по рукам. Оформили договор, я отдала деньги за месяц вперед плюс комиссию риелтору — и в итоге денег у меня осталось… мышкины слезки.

Вечером я сходила в магазин, купила необходимый минимум: мыло, шампунь, еду на ужин и на завтрак. И самый дешевый тональный крем — замазать синяки.

Хоть диван и был убитым, спалось на нем хорошо. Наверное, потому что за последние сутки я устала так, как не уставала никогда в жизни.

***

Утром я встала рано. Привела себя в порядок, как смогла, расчесала свою длинную рыжую гриву и заплела в косу, потом замазала синяк тональником.

Полумера, конечно, — полностью такое не замажешь, да и глаз все равно опухший. Ну, хоть не так страшно.

В Москву я решила ехать без машины. Соваться днем в центр на автомобиле? Это смертоубийство для водителя с моим стажем два дня езды — пробки, квест «попробуй найди парковку». Нет уж. Из Подольска как раз идет ветка наземного метро — на транспорте надежнее.

Доехала нормально. Вышла, пошла знакомой дорогой к офису «Колибри» — сто раз тут ходила, каждый поворот знаю.

И не успела дойти до входа, как кто-то сзади больно дернул меня за волосы.

Я вскрикнула, развернулась…

Вадим.

Он тут же крепко схватил меня за руку, выше локтя, пальцы впились как клещи.

— Ну, привет, — сказал он. — Я знал, что ты приедешь на старую работу договариваться, чтобы побыстрее выйти. А ты что думала — от меня можно убежать? Даже не рассчитывай. Я тебя везде найду. Никуда ты от меня не спрячешься, Алена. Никуда.

Меня бросило в холодный пот, сердце ухнуло куда-то вниз. Но я старалась держаться.

— Отпусти, придурок! — прошипела я. — Ты что, не понимаешь, какой я сейчас крик подниму? Ты видишь, сколько вокруг людей?

Он усмехнулся. И вот что было по-настоящему страшно: глаза — совершенно равнодушные, пустые. Ни злости, ни ревности — ничего. Как у манекена.

Спокойный, уравновешенный Вадик… ну да. Ну да.

— Настю к родителям отвезла? — протянул он в ответ и вдруг улыбнулся, и у меня от этой его улыбки все волоски на предплечьях дыбом встали.

— Нет, — быстро сказала я.

— Да, — продолжая улыбаться, кивнул он. — Конечно, отвезла, конечно, в Михайлов к родителям, куда ты ее еще денешь?

Он перестал улыбаться, помолчал. Я снова дернула рукой, но так и не смогла вырваться.

— Кстати, я хорошо помню их адрес, — наконец добавил он. — Мы же к ним ездили иногда.

— Да отпусти ты! — воскликнула я и дернула руку, а у самой внутри все буквально покрылось инеем. — Немедленно отпусти!

— Ты же хочешь, чтобы твоя Настя, такая милая беззащитная малышка, осталась жива? — медленно проговорил Вадим. — Тогда, Алена, ты будешь делать все, что я тебе скажу.

Глава 4

Алена

— Да чего тебе от меня надо? — прошептала я.

— Пойдем, объясню, — ответил Вадик.

Он потащил меня за собой. «Колибри» арендует помещение в бизнес-центре, перед входом большая площадка под козырьком, колонны. Через пару секунд я уперлась спиной в одну из них — подальше от входа, где никто нас не видел. Вадик надавил обеими руками на мои плечи, вжимая меня в холодный бетон позади.

— Мне нужна машина, — сказал он.

— Что? — растерялась я.

Ожидала чего угодно: что будет клясться в вечной любви, требовать, чтобы мы вернулись… А тут — разговор про машину. Хотела спросить: ты сдурел? Но побоялась психа дразнить.

— Я директор филиала, — невозмутимо продолжил он. — Машина — это мой статус. Я сегодня даже на работу не пошел, позвонил в офис, сказал, что приболел. Потому что я не собираюсь ходить на работу пешком, когда половина подчиненных приезжает на тачках, а у некоторых они покруче моей тойоты.

«Моей тойоты». Между прочим, тойота моя. Но озвучивать это я не решилась.

— Оксана, наша бухгалтерша, ездит на лексусе, — поморщился он. И вдруг добавил зло: — Представила картинку? Какая-то шалава из бухгалтерии ездит на лексусе, потому что ей папик его подарил, а я, директор филиала, езжу на сраной тойоте, которая мне даже не принадлежит! А теперь я, по-твоему, вообще пешком ходить должен?

— Вадим, — пробормотала я. — Ты с ума сошел?

Я правда не могла понять, чего он привязался к этой машине. Он буквально только что угрожал мне убить Настю, а теперь ведет разговоры всего лишь о машине!

— Я как раз очень разумный человек, Алена, — усмехнулся он. — И когда ты купила машину, я принял разумное решение — жениться на тебе.

— Ради машины? — поразилась я.

— Люди женятся и из-за меньшего, — философски заметил он. — К тому же, ты меня во всем устраивала: красивая, яркая, вкусно готовишь, работоспособная — сама себя и Настю свою обеспечивала, на шее у меня не висела. Ну, и в принципе то, что у тебя ребенок, было жирным плюсом. Я понимал: ты не будешь приставать ко мне с бабским нытьем «хочу родить» — ты уже родила.

— Классно… — прошептала я. — Ты мне сейчас прямым текстом говоришь, что сделал предложение, потому что я была удобной во всех смыслах, да еще при машине. А ты любил меня хоть чуть-чуть, Вадим?

Он пожал плечами.

— Зачем ты вообще мне все это рассказываешь? — нахмурилась я.

— Потому что я больше не собираюсь на тебе жениться, — спокойно ответил он. — Мне такая жена не нужна. Ты истеричка.

— А ты псих! — не выдержала я.

— Я рациональный человек, — возразил он, — и всегда поступаю разумно. Еще недавно жениться на тебе было разумным решением. А сейчас ты меня разочаровала, и я этого больше не хочу. Но я хочу, чтобы ты переоформила на меня машину — и на этом мы с миром расстанемся. Живи как хочешь, кусай локти, жалей об упущенных возможностях…

— Я не собираюсь переоформлять на тебя машину! — возмутилась я.

— Тогда я не могу гарантировать, что с Настей ничего не случится, — спокойно ответил он.

Во рту у меня пересохло.

— Только попробуй! — крикнула я. — Только тронь ее! Я… я сегодня же в полицию пойду и напишу на тебя заявление, ты меня ударил, вот, пожалуйста, — я ткнула пальцем себе в лицо. — Синяк под глазом!

— А я напишу встречное заявление, — пожал плечами Вадик. — Ты меня чуть вазой не убила, у меня шишка на затылке. Возможно, даже сотряс? Я был вынужден обороняться — вот и все. Никогда в жизни ты не докажешь, что я первым поднял на тебя руку. Свидетелей у тебя нет.

— Ты просто больной ублюдок, — со злостью прошипела я. — Отпусти меня немедленно!

— Я даю тебе время подумать до пятницы — жестко ответил он. — И в пятницу мы оформим машину как положено. Ты напишешь расписку, что я якобы передал тебе за тойоту два миллиона рублей. И все — я новый владелец. А ты можешь проваливать. Больше ты мне не нужна.

Я молчала. Просто не знала, что на такое ответить.

— А если ты не будешь сговорчивой, Алена… — его голос стал ласковым, что было еще страшнее. — Боюсь, что Настя тогда быстро узнает, что такое боль. А ведь она такая маленькая, да, Ален? Ты же не хочешь, чтобы она страдала?

— Да чтоб ты сдох! — заорала я, потому что не могла больше сдерживаться, и дернулась изо всех сил, пытаясь его отпихнуть.

В этот момент я услышала голос:

— Алена? Ты как тут? Все в порядке?

Я повернула голову. К нам шла Вероника, коллега по «Колибри», дизайнер, с которой мы когда-то вместе проекты верстали и немного дружили. Короткие волосы красиво уложены, платье стильное, в руках стаканчик с кофе. Жизнь у нее явно сложилась получше, чем у меня.

Вероника посмотрела на Вадика, потом на меня, потом на его руки на моих плечах. В ее взгляде было осуждение и готовность помочь.

— Тебе помощь нужна? — спросила она.

Вадик тут же отпустил меня, как я и предполагала. На публике его рациональность проявлялась сразу: конфликта он не хотел, свидетелей избегал.

— Все хорошо, — ответил он холодно. — Мы просто разговаривали.

И ушел не оглядываясь.

А я стояла и дышала, как загнанная лошадь.

— На работу выходишь? — спросила Вероника.

Я кивнула.

— Что у тебя случилось? — добавила она участливо. — Что с твоим лицом?

— Упала, — соврала я. — Неудачно упала. Ничего серьезного.

Я не была готова рассказывать правду. Не знала, как объяснить, что моя жизнь разлетелась не на куски даже, а на атомы.

Вероника посмотрела на меня сомневающимся взглядом, но не стала давить.

— Если понадобится помощь, — сказала она. — обращайся.

После ее ухода я поправила волосы, постаралась прийти в себя. На часах было уже без десяти девять, скоро встреча со Светланой Васильевной.

***

Ее кабинет был маленьким, уютным, полный растений и семейных фотографий. Светлана Васильевна сама казалась мне такой же уютной. Невысокая, кругленькая, под шестьдесят лет,

но в глазах — блеск жизни, энергия. Когда я вошла, она встала, обняла меня, поцеловала в щеку.

— Аленка! — сказала она тепло. — Как я рада тебя видеть!

Потом ее лицо переменилось — появилось сочувствие.

— Что с твоим лицом?

— Упала, — повторила я ту же ложь. — Неудачно упала.

Светлана Васильевна что-то хотела спросить, но промолчала. Вместо этого она сказала:

— Ладно, не буду приставать. Слушай, у меня для тебя хорошие новости.

Она села обратно в кресло и пригласила меня сесть напротив.

— Во-первых, ты можешь выйти на работу хоть завтра. Мы очень ждем тебя, проектов накопилось.

Я кивнула.

— Во-вторых, — продолжила Светлана Васильевна, — зарплаты у всех сейчас выросли. Серьезно выросли, в среднем — выше рынка.

Она назвала сумму.

Я чуть не подпрыгнула от радости. Я столько и не ждала! Кажется, мне хватит не только на съемную квартиру, но и на жизнь, причем не совсем уж за чертой бедности.

Но потом Светлана Васильевна вздохнула.

— Есть еще кое-что, — сказала она. — Я продала «Колибри».

У меня упало сердце. Так я и думала…

— Мне давно на пенсию пора, — продолжила она мягко. — Честно, устала я. У меня внучка недавно родилась, и мне так хочется с ней возиться, а не думать о делах каждую секунду. В общем, я тут еще несколько дней, потом ухожу совсем. У «Колибри» теперь новый хозяин.

Я молчала, пытаясь осознать.

— Так что ты будешь работать в новой, по сути, компании. Будет реорганизация, интеграция в крупную сеть…

— А какая крупная сеть? — спросила я, уже подозревая самое плохое.

— «Формат», — ответила Светлана Васильевна.

Мне стало дурно.

«Он меня уволит, — думала я лихорадочно. — Глеб — генеральный директор «Формата». Как только он узнает, что я снова на него работаю, сам меня и уволит».

Я чувствовала себя загнанной в угол. С одной стороны — сумасшедший Вадик, требующий машину и угрожающий Насте. С другой — Глеб, бывшая моя большая любовь, который так подло со мной обошелся. Теперь именно от него зависит, сохраню ли я рабочее место.

— Ты в порядке? — спросила Светлана Васильевна с беспокойством.

— Да, да, конечно, — соврала я. — Просто… это неожиданно.

— Я понимаю, что это стресс, — сказала она. — Но люди из «Формата» мне понравились. Молодая компания, динамичная. «Формат» готов платить за качество, потому и зарплаты у них такие. Все будет хорошо.

«Угу», — подумала я с горечью. В «Формате» я забеременела от человека, который не захотел признавать своего ребенка.

Мы договорились, что я выхожу на работу завтра в девять утра.

Я вернулась в Подольск на наземном метро. Когда подошла к двери своей съемной квартиры, меня бросило в холодный пот.

На металлической двери красной краской было нарисовано большое кровавое сердечко. И крупными печатными буквами написано:

«Любимая, я всегда рядом».

Глава 5

Алена

Первым делом я сбегала в хозяйственный за пару кварталов и купила растворитель — продавец сказал, что краску возьмет. Ещё взяла пачку тряпок и резиновые перчатки.

Оттирала долго. Красная краска въелась в металл, хваленый растворитель справлялся с ней не особенно хорошо, руки к концу онемели, а в подъезде стоял такой химический запах, что резало глаза. Но я оттерла все до последней буквы. Даже представлять не хотелось, что сказала бы квартирная хозяйка, увидев эти художества на двери.

Потом я позвонила родителям.

— У нас все в порядке, Ален, — сказала мама. — Настя обедала хорошо, сейчас во дворе с бабушкой сидит.

— Дай ей трубку, пожалуйста.

— Мам? — раздался Настин голосок, и у меня все сжалось внутри. — Мам, ну ты плиеззай посколей.

— Скоро, солнышко. Совсем скоро. Ты бабушку слушаешься?

— Слусаюсь… Мам, а ты завтла плиедесь?

— Как только смогу. Целую тебя крепко-крепко.

Когда мама снова взяла трубку, я собралась с духом.

— Мам, у меня к тебе просьба. Пока никуда с Настей не ходите. Ни на площадку, ни в магазин, никуда. Во дворе гуляйте, за забором.

— Аленка, что случилось-то?

— Не могу сейчас объяснить. Правда не могу. Но это важно, мам.

Она помолчала, потом сказала «хорошо» — таким голосом, что я поняла: напугала. Может, надо было рассказать все как есть… но я не решилась. Боялась испугать еще больше. К тому же, я не знала, что задумал Вадим.

Может, он просто берет меня на испуг: думает, в страхе за Настю я соглашусь на что угодно, отдам ему машину без колебаний.

Логично же — зачем ему на самом деле трогать ребенка? Ему нужна тойота, а не тюремный срок.

Так я себя успокаивала. Получалось неубедительно, конечно.

Больше всего меня мучил один вопрос. Как он узнал, где я живу? Квартиру в Подольске я сняла только вчера вечером, никому адрес не говорила — даже родителям не успела. А он уже нарисовал сердечко на моей двери.

Как?

***

Утром я приехала в «Колибри» к девяти. В отделе дизайна меня встретили тепло — все повскакивали, кинулись обнимать, спрашивали, как Настя, как я. От этого стало чуточку легче: приятно, когда тебе рады.

Работы сразу навалилось. Срочный проект — макет каталога для какой-то мебельной сети, сдавать через два дня. Я обрадовалась даже: когда руки заняты, голова меньше крутит страшные мысли.

Стол Вероники стоял рядом с моим. Мы то и дело перекидывались парой слов — то она у меня спросит про шрифт, то я у нее про цветовой профиль. А в обед пошли вместе в кафе через дорогу.

Заказали, сели. Вероника посмотрела на меня внимательно и сказала:

— Слушай, ну не слепая же я. Этот фингал у тебя под глазом — никакое не «упала». И тот тип, который тебя в колонну вжимал… Что случилось, Ален? Расскажи, не молчи. Вдруг я смогу чем-то помочь?

А я вдруг осознала, что больше не могу держать это в себе. Что мне до зарезу надо кому-то выговориться.

Я начала рассказывать — все по порядку. Как увидела на светофоре Вадика с Ларисой, как решила уйти. Как он ударил меня в прихожей, как я огрела его вазой и мы с Настей сбежали. Как я думала, что все позади, — а вчера он подстерег меня у офиса и потребовал переоформить на него машину. И намекнул, что что-то сделает Насте. А еще про вчерашнее сердечко и надпись на двери.

Вероника слушала не перебивая, а лицо у нее темнело с каждой минутой.

— В полицию, — сказала она, когда я замолчала. — Немедленно. Он тебя ударил, он угрожает ребенку — это статья.

— Он сказал, что напишет встречное. Что я его вазой чуть не убила, что он оборонялся. Свидетелей у меня нет.

— Все равно иди. Пусть будет заявление, пусть будет зафиксировано. Даже если сразу ничего не сделают — если он потом что-то натворит, будет история, будет ход делу. Молчание всегда играет на его стороне, не на твоей.

Я кивнула — она была права.

— И вот еще что я не понимаю, — сказала Вероника. — Как он вообще узнал, где ты живешь? Ты же только въехала.

— Вот это меня и убивает, — призналась я. — Я никому адрес не давала, а он уже там сердечко нарисовал.

Вероника отставила чашку.

— Телефон у тебя старый? Который был, когда ты с ним жила?

— Да, а что?

— Дай угадаю. Он тебе его дарил? Или сам настраивал, помогал что-то устанавливать?

Я похолодела.

— Настраивал, было дело.

— Ну вот, — мрачно кивнула Вероника. — Скорее всего, он поставил тебе приложение для слежки. Знаешь, есть такие — вроде родительского контроля, за детьми следить. Штука в том, что они не запрещены и легально продаются. А работают, как шпион: показывают на карте, где ты находишься, в реальном времени.

— То есть он знает, куда я хожу или езжу?

— Если приложение стоит — то да.

Меня замутило. Так вот как он понял, что Настя в Михайлове — отследил в своей шпионской программе, что я ездила туда.

— А… — я сглотнула. — А слушать он меня может? Разговоры?

— Нет, это вряд ли, — покачала головой Вероника. — Звонки в реальном времени такие программы не тянут — это уже совсем другой уровень, а не просто для ревнивых мужей. Геолокация, переписка, история звонков — да. Но чтобы прямо прослушивать — нет, не переживай на этот счет.

Я вздохнула. Хоть это хорошо, однако тот факт, что он знает все о моих перемещениях…

— Как избавиться от этой шпионской программы? — спросила я.

— Новый телефон, — ответила Вероника. — Но если денег нет…

— Нет, — в очередной раз вздохнула я.

— Тогда сбрось его до заводских настроек. Приложение удалится вместе со всеми данными. Только потом не восстанавливай из старой резервной копии — а то вернешь и его пода-

рочек обратно. Ставь все заново, руками. И симку смени, купи новую, а старую отключи — на всякий случай, если он к номеру что-то привязал.

— Поняла, сегодня же сделаю. Черт, угораздило ж меня эту машину купить…

— А кстати, как ты ее вообще купила? — заинтересовалась она. — Все же приобретение недешевое, а ты, насколько я знаю…

Я невесело усмехнулась.

— Угу, лимита. Да мне примерно пару лет назад наследство на голову свалилось. У папы тетка была в Рязани, одинокая, других наследников не имела. Умерла — и папе досталась ее квартира.

— И вы ее продали?

— Продали. Сначала собрали семейный совет. Родители сказали, что никуда и ни за что из своего дома не уедут. На ремонт себе чуть-чуть оставили, кое-что пора было обновить, а остальное поделили между мной и братом. Лешка свою половину пустил на первоначальный взнос — взял однушку в ипотеку, Южное Бутово. А мою половину отдали мне.

— И ты купила машину.

— Не сразу, — сказала я. — Я вообще не знала, что с этими деньгами делать, долго думала. Проесть — глупо, так только дураки делают. Ипотеку брать не рискнула. Это Лешка на севере хорошо зарабатывает, ему платить по силам, а я на подработках кручусь. Даже если на взнос хватит, потом-то чем гасить? Брат советовал купить квартиру в Рязани, хватило бы на какую-нибудь прохенькую однушку даже без ипотеки. Но я в то время уже жила с Вадимом, у нас, вроде как, все было серьезно. В общем, Рязань не вписывалась. Еще был вариант просто положить деньги в банк, но…

— Но?

— Вадим меня убедил, что надо купить машину. Мол, квартира у нас уже есть — его двушка, в собственности, на нашу семью из трех человек за глаза хватит. А вот машины, говорит, дорожают каждый день, а семье с ребенком без машины никак, давай лучше вложимся в нее. Лешка был против. Говорил: машина — ненадежный актив, бэушная теряет в цене на глазах, купишь дорого — через год продашь за полцены. Но я все-таки послушала Вадима, он умеет уговаривать. Настоял на модели, сам все выбрал. Только брат уперся, чтобы оформили на меня. А Вадик ездил по доверенности.

— А теперь, значит, хочет, чтобы ты ему ее отдала.

— Да, говорит, в расписке укажем «два миллиона», — кивнула я. — Знаешь, я так жалею, что тогда его послушала. Но он ведь предложение сделал, про семью говорил. Про то, что мы теперь вместе, что он всегда будет заботиться обо мне и о Насте, как о родной дочери…

Вероника накрыла мою руку своей.

— Алена, ты послушала его, потому что нормальный человек и хотела как лучше. Ты не виновата, что он оказался мудаком.

***

Я сделала все, как она сказала — сбросила телефон до заводских настроек. Смотрела, как исчезают иконки, и почти физически чувствовала, будто отдираю от себя чьи-то липкие пальцы. Потом по дороге домой зашла в салон связи, купила новую симку, а старую тут же отключила.

Если он и правда следил через телефон — теперь не сможет. Больше не будет меня на его карте.

Только легче не стало. Потому что он уже знает, где я живу, а снять другую квартиру мне не на что. А хуже всего было то, что он и правда знает, где Настя.

С этой мыслью я и подошла к своей двери.

И остановилась.

На металле снова алело сердечко. И крупными печатными буквами было написано:

«Скучаю, любимая. Завтра встретимся»

А замочная скважина была наглухо забита монтажной пеной. Желто-белая застывшая шапка вылезла из замка, растеклась по двери и засохла уродливыми потеками.

Я стояла перед дверью, за которой было мое единственное временное жилье, — и не могла в нее войти.

Глава 6

Алена

Ну, в общем-то, выбора у меня не было, я даже ключ в замок вставить не могу. Достала телефон, нашла номер хозяйки, Тамары Ивановны, и позвонила.

Она пришла минут через десять — живет в соседнем доме. Увидев дверь, ахнула и всплеснула руками:

— Батюшки! Это что ж такое? Кто это сделал?

— Простите, пожалуйста, — вздохнула я.

Тамара Ивановна поджала губы, потом позвонила в аварийку по замкам — есть такие службы, приезжают круглосуточно, вскрывают и меняют. Мастер появился через полчаса: посмотрел, поковырял, сказал, что пену из скважины не вычистить — надо менять всю личинку, а раз такое дело, лучше поставить новый замок целиком. Провозился он минут сорок. Высверлил старое, поставил новое, выдал новые ключи.

— Знаешь что, Алена, — сказала Тамара Ивановна, когда мастер уехал. Голос у нее был уже не растерянный, а твердый. — Ты девочка, видно, хорошая, но мне такие приключения не нужны. Сегодня пена, а завтра что? Дверь подожгут? Соседи мне уже звонили, спрашивали, что за художества в подъезде. Давай мы с тобой договор расторгнем, по-хорошему.

Спорить я не стала. Да и как спорить? Она права, это не ее война.

Посчитали. Я въехала позавчера, прожила по факту два дня — она вернула мне деньги почти целиком за месяц и удержала еще за новый замок и мастера. Комиссию риелтору — половину месячной платы, которую я отдала при заселении, — вернуть было уже нельзя. Так растаяла ощутимая часть моих и без того тощих сбережений.

Я молча собрала вещи в рюкзак и пакет и вышла на улицу.

Снова я осталась ни с чем. Негде ночевать, некуда идти. К родителям — далеко, а завтра в девять на работу. Жанна к себе не пустит.

Машину я вчера от греха подальше отогнала на платную стоянку в трех кварталах — боялась, что с Вадика станется проколоть колеса или еще чего похуже. Ну, что сказать? Хорошо, что отогнала, а то бы этот придурок точно чего-нибудь отмочил.

Я дошла до стоянки, кинула вещи на заднее сиденье, села за руль и просто сидела какое-то время, положив руки на лоб.

Надо было подумать.

Денег на руках оставалось немного. Да, мне вернули оплату почти за месяц, но на однушку уже не набиралось. В лучшем случае — комната в коммуналке где-нибудь у черта на куличках, да и то не факт, что заселят сразу. Значит, сегодня ночую где придется. Завтра на работу. А там уже буду искать жилье всерьез, из последних сил.

Я открыла карты, вбила «хостел рядом». Нашелся один недалеко, минут десять на машине, и цена подъемная — койко-место в общем номере. Позвонила, спросила, есть ли свободные места.

— Есть, — ответил сонный женский голос. — В женской комнате койки остались. Приезжайте, оформим.

Ну, не в машине же опять ночевать.

Прежде чем ехать, я набрала маму. И на этот раз решила рассказать все как есть.

— Мам, — начала я, — я вчера не хотела тебя пугать, поэтому не все сказала. Но сейчас молчать нельзя.

— Господи, Алена, что стряслось-то?

Я рассказала. Про Вадика, про машину, про то, что он угрожал Насте.

— Мам, я сама не понимаю, чего от него ждать, — говорила я, и голос у меня подрагивал. — То ли он просто берет меня на испуг — думает, я перепугаюсь за Настю и отдам ему все что угодно, лишь бы отстал. То ли он и правда… ну, ненормальный, и тогда… в общем, это еще хуже. В том весь ужас, мам, что я не знаю.

Мама молчала, и я слышала, как она дышит.

— Так, — сказала она наконец. Голос был испуганный, но собранный. — Все поняла. Не переживай ты за нас, слышишь? Мы с папой с Насти глаз не спустим. Со двора ни ногой, чужим не откроем. Все будет хорошо, Ален. А ты завтра иди в полицию. Обязательно. Поняла меня?

— Поняла, мам.

От ее слов у меня защипало в глазах. И стало чуть-чуть легче. Совсем чуть-чуть, но хватило, чтобы завести машину и тронуться.

Хостел оказался на втором этаже старого жилого дома — вход со двора, лестница с обшарпанными стенами, железная дверь с домофоном. Внутри, впрочем, было чище, чем я думала. Узкий коридор, ресепшен — просто стойка с усталой девушкой лет двадцати пяти, общая кухня с чайником и микроволновкой. Меня заселили в женскую комнату на шесть коек — двухъярусные кровати, у каждой шторка, светильник и розетка. Мне досталась нижняя справа у стены.

Соседок было двое. Одна, постарше, уже спала, отвернувшись к стене. Вторая, молоденькая, сидела на своей койке в наушниках и что-то листала в телефоне — кивнула мне и снова уткнулась в экран. И слава богу. Разговаривать я была не в силах.

Душ, к счастью, тут имелся — общий, в конце коридора, но с горячей водой и более-менее чистый. Я стояла под ним долго, смывая с себя этот бесконечный день. Потом переоделась, забралась на свою койку, задернула шторку — и впервые за много часов почувствовала себя хоть немного в укрытии.

Лежала и думала.

Пусть у меня нет своего угла. Пусть я сплю на чужой койке, в комнате с незнакомыми людьми. Но зато — и я цеплялась за эту мысль изо всех сил — теперь он не знает, где я. Впервые за эти дни я была там, куда он не мог дотянуться.

Наверное.

Глава 7

Алена

Утром я снова отогнала машину подальше — оставила ее кварталах в трех от «Колибри», на боковой улочке, и до офиса дошла пешком. Так спокойнее. Пусть Вадик знает, где я работаю, но он хотя бы не знает, на чем я приезжаю и куда потом уезжаю.

В отделе Вероника подкатилась на своем стуле ко мне, едва я села.

— Ну, как ты? — тихо спросила она.

Я рассказала. Про пену в замке, про то, как приезжала аварийка, как хозяйка расторгла договор и я осталась без квартиры и без части денег. Как ночевала в хостеле.

— С ума сойти, — покачала головой Вероника. — И что ты думаешь делать?

— Ну, сегодня вечером я на все выходные уеду в Рязанскую область, к своим, так что на скамеечке в парке ночевать не придется. Вернусь утром в понедельник, и надо будет с жильем как-то разбираться. И еще я сегодня в обед в полицию хочу сходить.

Я вздохнула.

— Слушай, а у тебя случайно нет знакомых, которые почти задарма сдают хоть комнату в коммуналке? И которые рискнут связаться с проблемным жильцом вроде меня?

Спрашивала я это скорее в шутку, заранее зная ответ. Но Вероника вдруг посмотрела на меня серьезно.

— Знакомых таких нет, — сказала она. — Но есть я сама. Переезжай ко мне. Поживешь, пока не разгребешь свои дела.

Я растерялась.

— Да ты что, неудобно… Я не могу тебя так напрягать.

— Все в порядке. Ты меня не обременишь, у меня двушка, места хватит.

— Вероника, ты пойми — ты рискуешь. Вадик, может, вообще псих. Вдруг он и до тебя доберется?

— Вот именно поэтому тебе и надо в полицию, — отрезала она. — От такого психа пора избавляться, а не прятаться по хостелам. А со мной ты хотя бы будешь не одна.

Я смотрела на нее и не знала, что сказать. В горле стоял ком. Жанна, невеста родного брата, не пустила нас с Настей даже на порог, захлопнула дверь перед носом. А Вероника предлагает свой дом — а ведь мы просто подруги, даже, вроде, не такие близкие… моей самой близкой подругой когда-то Лариса была, которая…

Разве так бывает вообще?

— Вот что, — Вероника вдруг улыбнулась и погрозила мне пальцем. — Я, между прочим, доброе дело пытаюсь сделать, карму себе улучшить, а ты упираешься. Не мешай мне творить добро, мне это вон там, — она ткнула пальцем в потолок, — зачтется.

Я невольно рассмеялась. И сдалась — просто не нашла, что возразить.

— Спасибо тебе огромное, — сказала я. — Правда. Я ненадолго, честное слово. Пару дней, пока не найду что-то по деньгам, — и сразу съеду.

— Да не переживай, — ответила Вероника и снова улыбнулась.

***

В обеденный перерыв я пошла в полицию. Отделение было в пятнадцати минутах ходьбы — я нашла адрес заранее.

Внутри все оказалось буднично до странности. Ни очередей, ни драм. Стеклянное окошко у входа, за ним — дежурный, что-то писавший в журнале. Я подошла, объяснила, что

хочу обратиться по поводу угроз и избиения. Он выслушал, кивнул и направил меня по коридору — к участковому, сказал, второй этаж, кабинет в конце.

Участковый — грузный мужчина лет пятидесяти, в форме, с усталым лицом человека, который таких, как я, видел за смену не одну. Он кивнул на стул:

— Присаживайтесь. По какому вопросу?

Я села и начала рассказывать. Старалась говорить связно, по порядку.

— У меня был гражданский муж. Мы прожили вместе почти два года, у меня дочь трех лет, но отец — не он. Недавно я узнала, что муж мне изменяет, и решила уйти. Когда собирала вещи, он меня ударил — по лицу, вот, синяк еще виден… — я показала на скулу. — Сразу скажу, чтобы вырваться из квартиры, пришлось драться, потому что он не отпускал и угрожал моей дочери. Я тогда схватила первое, что попалось под руку.

— И что это было? — уточнил участковый.

— Ваза, — вздохнула я.

Участковый что-то пометил в блокноте.

— А дальше он начал меня преследовать, — продолжала я. — Подкараулил у работы, потребовал переоформить на него машину — машина моя, а он ездил по доверенности. Сказал, если не отдам, будет плохо. Угрожал, что навредит ребенку. Так прямо и сказал: она узнает, что такое боль. А еще дважды писал краской на двери моей съемной квартиры, а вчера залил замок монтажной пеной. Помогите, пожалуйста. Я не знаю, что делать.

Он отложил ручку и посмотрел на меня — не отмахиваясь, с настоящим сочувствием. Но по глазам я уже поняла: хорошего он мне не скажет.

— Давайте по порядку, — сказал он. — По побоям вы заявление подать можете, это ваше право. Только сразу предупреждаю, как есть. Побои без вреда здоровью — это статья легкая, административная. В худшем для него случае — штраф. Тяжкого вреда он вам не причинил, синяк, к сожалению, на это не тянет. И учтите: он в ответ подаст встречное — на вас. Вы же там вазой дрались. Пусть в целях самообороны, но след-то остался наверняка.

Я сглотнула.

— А угрозы? Он же угрожает убить моего ребенка.

— Угроза убийством — это статья, — кивнул участковый. — Но работает только тогда, когда есть основания опасаться, что угроза реальна, и, главное, когда есть, чем ее подтвердить. Свидетели, запись, переписка. А у вас что? Он вам, как я понял, все угрозы выдавал на словах, наедине. Вы напишете, что угрожал, он напишет, что и близко к вам не подходил. Слово против слова. Дела на этом, к сожалению, построить не получится.

— То есть ничего нельзя сделать? — почти прошептала я.

— Можно и нужно — собирать доказательства, — сказал он серьезно. — Как только он к вам подойдет — незаметно включайте диктофон в телефоне. Еще лучше — видео. Пусть он сам, своим голосом, все скажет. Вот с этим уже можно будет работать, это уже не пустые слова, а материал. А если опять будет писать на двери или запенивать — вызывайте наряд каждый раз, чтобы фиксировали, пишите заявления, пусть накапливается. Хотя…

— Хотя? — вздохнула я.

Участковый развел руками.

— Вы поймите, доказать, что дверь исписал именно он, тоже почти нереально. Может, это к вам вообще отношения не имеет. У хозяев квартиры свои недоброжелатели могли быть.

— А то, что он меня выслеживает, караулит?

Участковый вздохнул.

— Вот с этим совсем беда. Отдельной статьи за преследование, за это самое «сталкерство», у нас в законе просто нет. Пока человек не переходит к действиям — угрозам с доказательствами, порче имущества, которую можно на него повесить, — формально он ничего не

нарушает. Ходит по улице, подходит к вам, разговаривает. Имеет право. Обидно, понимаю, да. Но так устроено.

Он помолчал, потом добавил мягче:

— Заявление по побоям я у вас приму, если хотите.

Я подала заявление. Больше для того, чтобы хоть что-то осталось на бумаге, — толку от него, я уже понимала, будет немного. Вышла из отделения с таким же грузом на душе, с каким входила.

Я по-прежнему не знала, как защитить Настю. И мне по-прежнему было страшно за нее.

***

Я вернулась к нашему бизнес-центру, направилась ко входу — и у тех самых бетонных колонн меня окликнул знакомый голос.

Вадик.

Он стоял, засунув руки в карманы, и улыбался. Спокойно, почти лениво.

— Значит, сбежала из своей квартирки, — хмыкнул он. — Ну и куда ты теперь? Ох, Алена, ты же умная девочка, должна понимать: от меня не сбежишь. Я все равно тебя найду. Я знаю, где ты работаешь… — он сделал паузу и посмотрел мне прямо в глаза. — И, если ты не забыла, я знаю, где сейчас Настя.

Да, я знаю, что он знает — и все равно вздрогнула.

— Все, дорогая, — сказал Вадим и шагнул ближе. — Я давал тебе срок до пятницы. Сегодня пятница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.